

образом, следует говорить о том, что в данном случае дело из категории судебных переходит в разряд политических.

Политизированность судебного разбирательства имеет неоднозначные последствия для правовой системы, так как, с одной стороны, способствует открытости отправления правосудия, а с другой – угрожает конституционному принципу независимости деятельности судей, что не только напрямую сказывается на качестве принимаемых решений, но и дестабилизирует функционирование всей судебной системы. Кроме того, отсутствие четких правовых оснований и механизмов осуществления общественной экспертизы судебных решений может привести к нивелированию значения закона в регулировании общественных отношений, поэтому следует осторожно относиться к использованию тех механизмов общественного контроля, которые граничат с элементами неформального давления на органы государственной власти.

Резюмируя вышесказанное, хочется еще раз обратить внимание на то, что в условиях реформирования судебной системы возрастающее значение приобретает участие граждан в отпращивании правосудия в форме всесторонней оценки и контроля принимаемых решений, и это является одним из основных факторов, способствующих формированию правового государства в России и купированию коррупционных процессов в сфере государственного управления. Однако следует признать, что общественный контроль в отношении деятельности органов судебной власти должен иметь правовые пределы и осуществляться только в рамках формальных требований закона.

Примечания

- 1 См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.
- 2 См.: Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : федер. закон от 22 дек. 2008 г. № 262-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (часть 1), ст. 6217.
- 3 Ковалева Н. Н., Арестова О. Н. Комментарий к Федеральному закону от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (постатейный). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 4 См.: О судебной системе Российской Федерации : федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 27 дек. 2009 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1; 2009. № 52 (ч. 1), ст. 6402.
- 5 См.: Об органах судейского сообщества в Российской Федерации : федер. закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ (ред. 28 нояб. 2009 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 11, ст. 1022; 2009. № 48, ст. 5746.
- 6 См.: Романовская О. В. Квалификационные коллегии судей и судебная реформа // Российская юстиция. 2009. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 7 Комкова Г. Н., Кулушева М. А. Конституционно-правовые основы участия граждан Российской Федерации в отпращивании правосудия. Саратов, 2006. С. 112.
- 8 Чепурнов А. Г. Некоторые аспекты повышения эффективности судебной системы // Администратор суда. 2007. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 9 Как улучшить качество правосудия? // Общественная Палата Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.oprf.ru/newsblock/news/1510/chamber_news (дата обращения: 27.10.2010).

УДК 9(47).084.1+929Бейлис

ДЕЛО М. БЕЙЛИСА В МАТЕРИАЛАХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается работа одной из следственных частей Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию «противозаконных действий высших должностных лиц по делу Менделя Бейлиса».

Ключевые слова: дело Менделя Бейлиса, расследование, Чрезвычайная следственная комиссия.

Case M. Baylis in the Materials Extraordinary Inquiry Commission of Provisional Government

Yu. V. Varfolomeev

The article reviews the work of one of the investigative unit of the Extraordinary Inquiry Commission of Provisional Government to investigate

«illegal actions of senior officials in the criminal case of Mendel Bailis».

Key words: case Mendel Bailis, investigation, Extraordinary Inquiry Commission.

Еврейский вопрос был одним из самых острых во внутренней политике России конца XIX – начала XX в., и вполне закономерно, что Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства (далее – ЧСК) проявила особую заинтересованность в изучении практики решения межнациональных проблем, и прежде всего еврейского вопроса, в правительственной политике последних лет царствования Николая II. Между тем совет-

ский ученый А. Я. Аврех считал, что «остальным сюжетам – таким, как <...> дело Бейлиса и другие, – ЧСК придавала явно второстепенное значение, они были отодвинуты ею на задний план...»¹. Этот вывод не выдерживает критики с той точки зрения, что и председатель комиссии Н. К. Муравьев, и ее члены Н. Д. Соколов и Ф. И. Родичев как политические защитники из синергии «Молодая адвокатура», участвовавшие в целом ряде так называемых еврейских процессов тех лет, конечно, не могли обойти вниманием эту очень острую и сложную проблему.

Более того, громкое дело М. Бейлиса в той или иной степени отразилось на судьбе буквально каждого сотрудника ЧСК: кто-то выступил защитником подсудимого, кто-то участвовал в протестной кампании против постановки этого судебного процесса, а Муравьев, например, был защитником своих коллег-адвокатов, привлеченных к суду в связи с этим делом, когда 23 октября 1917 г. на общем собрании присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты была принята резолюция с протестом «против извращения основ правосудия, проявившегося в создании процесса Бейлиса...»², и 25 адвокатов, в том числе Н. Д. Соколов (автор резолюции), А. Ф. Керенский (инициатор), П. Н. Переверзев и другие, были преданы суду по ст. 279 Уголовного уложения и приговорены к разным срокам тюремного заключения³.

Поэтому нет никаких оснований полагать, что расследование постановки дела Бейлиса для комиссии было второстепенным. Как раз наоборот, обращение ЧСК к этому сюжету наконец-то давало шанс расставить все точки над «i» в этом скандальном и запутанном деле. «О том, что ЧСК отводило процессу Бейлиса одно из главных мест в обвинительном процессе против самодержавия, – отмечают Р. Ш. Ганелин, В. Е. Кельнер и И. В. Лукоянов, – свидетельствует обостренное внимание к материалам дела: даже неясный слух о пропаже из Департамента полиции каких-то бумаг по суду над Бейлисом вызвал немедленное расследование, сразу установившее, что никакие документы не исчезали»⁴. И, пожалуй, самое главное: ввиду особой значимости этого криминального сюжета он был выделен Президиумом ЧСК в отдельное производство – «О противозаконных действиях высших должностных лиц по делу Менделя Бейлиса»⁵. Возглавил следственную бригаду товарищ председателя Киевского окружного суда Ф. И. Вереницын, который с этой целью был откомандирован в Петроград 29 марта 1917 г.⁶ В итоге материалы расследования составили 3 тома и включают 66 показаний 48 лиц. Так, например, 17 мая 1917 г., накануне составления первого варианта обвинительного заключения материалы следствия уже представляли собой внушительный фолиант. «Председатель все время пересматривает дело, подшитое очень аккуратно. Бумаги, кажется, еще много»⁷, – отметил объем следственной работы секретарь комиссии А. А. Блок.

Допросы начались в конце апреля и проводились в основном в Петрограде и Киеве. Кроме того, несколько человек было допрошено в Каменец-Подольске, Харькове, Москве и Риге⁸. Наиболее пространное показание по этому делу дал бывший вице-директор Департамента полиции С. П. Белецкий⁹. Прежде всего выяснилось, что мысль о ритуальном характере убийства «была проведена извне, местной организацией союза русского народа, во главе которой стоял тогда Голубев. Голубев очень близко стоял к Замысловскому...»¹⁰. Секретарь комиссии, внимательно следивший за рассказом Белецкого, выхватил из его повествования наиболее важные моменты: «Легенда о крови для мацы и чуткость населения к ней – южный темперамент. Маклаков¹¹ был сторонник постановки дела. Отношение Маклакова к еврейскому вопросу (отрицательное). <...> Выбор свидетелей, на которых можно положиться. Желание Чаплинского, чтобы приговор был обвинительный. Солидарность министерства внутренних дел с министерством юстиции. Озабоченность тем, что не хватает улик не только для доказательства ритуала, но и для совмещения Бейлиса с фактом убийства»¹².

В инициированный таким образом «ритуальный» процесс сразу же включились силы политической адвокатуры, возглавляемой А. С. Зарудным¹³. Их целью было прежде всего всестороннее освещение этого дела, разоблачение механизма инспирирования ритуального процесса и, наконец, выявление истинных виновников трагедии. С первых же шагов их независимого расследования стало очевидно, что здесь не обошлось без вмешательства двух могущественных министерств – юстиции и внутренних дел.

Подобные подозрения обрели свое фактическое подтверждение во время допросов чиновников этих ведомств в ЧСК. 30 мая 1917 г. на заседании комиссии была принята решение «соединить дело Бейлиса в отношении Министерства юстиции и Министерства внутренних дел в единое дело. Поручить производство следственных действий Ф. И. Вереницыну при наблюдающем на правах товарища прокурора Н. И. Идельсоне и от комиссии – Н. К. Муравьеве»¹⁴.

Отправным моментом в расследовании стали документы, подтверждавшие получение Г. Г. Замысловским и экспертом Д. П. Косоротовым денежных сумм, которые были использованы ими в целях влияния на ход судебного процесса над М. Бейлисом¹⁵. Но даже эти факты можно было бы квалифицировать не как должностное преступление, а в лучшем случае как превышение служебных полномочий, «а что касается расписок – с неоправданным расходом специальных сумм, и не более того»¹⁶. Поэтому ЧСК предстояло найти более веские доказательства вины высших должностных лиц правоохранительных ведомств в деле Бейлиса.

Современные исследователи выделяют несколько этапов в ходе расследования этого криминального сюжета. Первый этап (конец апреля – середина мая 1917 г.) характеризуется, по их мнению, хаотичностью следственных действий и стремлением избегать допросов основных подозреваемых, хотя уже на этом этапе «были получены важные свидетельские показания, вскрывающие причины фальсификации дела Бейлиса и роль в этом Чаплинского...»¹⁷. Все это позволило Вереницыну составить к концу мая первую версию обвинительного заключения ЧСК по делу Бейлиса.

В ходе расследования комиссия выявила крайне любопытные подробности. Оказалось, что даже обслуживающий персонал и курьеры, приходившие в комнату к присяжным, были переодетыми агентами охраны, причем «сам председатель суда, – вспоминал О. О. Грузенберг, – под видом сторожа для услуг присяжных заседателей, ввел в их совещательную комнату переодетого жандарма»¹⁸. Правда, здесь же выяснилось, что «наблюдение за присяжными не дает результатов, а между тем департамент полиции боится провала, т. е. обнаружения своих агентов, следствием чего был бы сильный шум слева»¹⁹. Но «сильный шум», и не слева, а со стороны буквы закона, возник уже в ходе расследования комиссией «вольностей» Департамента полиции. Так, во время одного из допросов Белецкого председатель комиссии Н. К. Муравьев с прокурорской предикой резюмировал его показания: «Таким образом, в эту “святая святых” (совещательная комната. – Ю. В.) нашего суда вторглось министерство внутренних дел со своими агентами». На что Белецкий дал уточняющий ответ: «Это было с ведома председателя». Муравьев мгновенно парировал: «Тем преступнее был председатель»²⁰.

Таким образом, основой обвинительного акта стали документы Министерств внутренних дел и юстиции, изобличавшие должностных лиц этих ведомств в организации наблюдения и подслушивания разговоров присяжных заседателей, предоставлении в суд важного свидетеля А. Э. Караева, перлюстрации и пр. «Департамент полиции был в деле Бейлиса исключительно исполнительным лицом, каждая бумага была известна министрам»²¹, поэтому 5 июня 1917 г. на заседании ЧСК было принято решение «о привлечении в качестве обвиняемых бывшего министра внутренних дел Н. А. Маклакова, бывшего прокурора Киевской судебной палаты Чаплинского, бывшего директора Департамента полиции Белецкого и бывшего начальника Киевского губернского жандармского управления Шределя по обвинению их в должностных преступлениях, совершенных ими в связи с делом Бейлиса»²².

Второй этап (конец мая – конец июля 1917 г.). На этом этапе изменились методы следственных действий. «Вереницын выбрал ряд наиболее перспективных сюжетов, главным из которых

стало наблюдение за присяжными, и оставил некоторые из предыдущих, в частности связанные с Косоротовым и Замысловским»²³, – отмечают современные исследователи. В этот период ЧСК приступила к опросу основных обвиняемых – главных действующих лиц по этому делу – И. Г. Щегловитова²⁴, Н. А. Маклакова²⁵ и С. П. Белецкого²⁶.

Безусловно, одним из самых ценных свидетельств стали показания бывшего вице-директора Департамента полиции Белецкого, подробно осветившего фактическую сторону дела. Он недвусмысленно обвинял в организации дела Бейлиса главным образом Г. Г. Чаплинского. «Дело возбуждено Чаплинским. Ф. Ф. Трепов даже отнесся к нему с недоверием...»²⁷, – отметил по ходу его допроса А. А. Блок. Сконцентрировав свои разоблачения на Чаплинском и Щегловитове, Белецкий, тем самым, невольно выводил «из-под удара Маклакова, фигура которого больше всего интересовала следствие»²⁸. Но самое главное, в его показаниях хорошо просматривалась инспирирующая роль крайне правых сил и он «тем самым отводил всякие возможности подозревать убийц Ющинского в ритуальных целях и таким образом дезавуировал заключения экспертов»²⁹.

Второй этап следственной работы завершился в конце июля 1917 г. составлением нового обвинительного заключения, основанного главным образом на показаниях Белецкого. Но и на этот раз следователю не удалось сделать вторую редакцию обвинительного заключения более убедительной, чем первую. Исследователи в связи с этим отмечают, что «главными виновниками у Вереницына неизменно выходили Маклаков и Щегловитов – те, против которых было собрано незначительное количество обвинительного материала. Основные же архитекторы дела Бейлиса оказались далеко не на первых ролях. На наш взгляд, такое тенденциозное обвинительное заключение только подчеркивало просчеты следствия ЧСК как по процессу Бейлиса, так и в ее деятельности в целом»³⁰. Действительно, дамоклов меч революционных настроений, постоянно висевший над головой Муравьева и его коллег, жестко диктовал им более пристрастное внимание к таким одиозным, но не всегда преступным с точки зрения закона личностям, как Маклаков и Щегловитов.

Третий этап расследования (конец июля – начало сентября 1917 г.) состоял в том, что следственная бригада ЧСК по второму кругу допросила всех основных обвиняемых по делу Бейлиса. Но, к сожалению, кропотливая работа следственной части № 18 практически ничего нового не добавила к существующему обвинительному акту. Тем не менее в начале сентября 1917 г. ЧСК окончательно определилась с фигурантами, привлекаемыми в качестве обвиняемых по этому делу, и квалификацией их преступных деяний. 5 сентября на заседании Комиссии было постановлено: «Имея в виду: 1) что бывшие министр юстиции

Щегловитов и председатель Киевского окружного суда Болдырев достаточно изобличаются в совершении преступного деяния, описанного в представленном постановлении; 2) что между действиями Щегловитова и Болдырева имеется связь; 3) что изменение квалификации уже предъявленного Маклакову, Белецкому, Шределю и Чаплинскому и предъявление им дополнительных обвинений, указанных в постановлении, соответствует существу деяний, в совершении коих они изобличаются, комиссия постановила:

1) Руководствуясь п[унктом] 3 Положения о [Чрезвычайной следственной] комиссии, дать согласие на привлечение в качестве обвиняемого Щегловитова, Болдырева на основаниях, изложенных в представленном постановлении.

2) Дать согласие на изменение квалификации предъявленного уже и на предъявление дополнительных обвинений Маклакову, Белецкому, Шределю и Чаплинскому»³¹.

Последний, итоговый этап расследования этого криминального сюжета (сентябрь–ноябрь 1917 г.) так и остался незавершенным, так же как осталась незавершенной и вся деятельность ЧСК по хорошо известным и не зависящим от нее обстоятельствам. Считается, что «последним аккордом следствия ЧСК по делу Бейлиса стали действия Вереницына в Киеве, куда он собирался выехать в октябре 1917 г. Там в конце ноября Вереницын пытался завершить расследование о переодетых жандармах-курьерах и предъявил обвинения находившимся в Киеве Шределю и Болдыреву»³².

Вместе с тем труды членов Комиссии и следователей по распутыванию криминального клубка в деле Менделя Бейлиса не пропали даром и позволили исследователям сделать ряд важных выводов. Во-первых, расследование доказало, что этот процесс был инспирирован правыми силами и прокурором Г. Г. Чаплинским. Во-вторых, руководство министерства внутренних дел и министерства юстиции отдавало себе отчет в том, что это «ритуальное» дело было сфабриковано и, маскируя свои симпатии, оказывало негласное содействие, хотя и в определенных рамках. В-третьих, следствие «убедительно продемонстрировало, что для власти антисемитизм был повседневной практикой. Его проявления не только не вызывали отпора, но и удостоивались негласного одобрения, а в некоторых случаях – и поощрения, например, продвижения по службе»³³. В-четвертых, документы следственного производства ЧСК по делу Бейлиса наглядно иллюстрируют все стадии этого дела, его закулисную сторону, механизм взаимодействия киевских инспирировщиков судебного процесса с центральной властью. В-пятых, свидетельские показания убедительно изобличают Чаплинского и правые партии в фабрикации ритуальной версии дела, представляют недоброкачественную кухню следствия и неопровержимо указывают

на истинных убийц А. Ющинского – банду Веры Чеберяк. И, наконец, в-шестых, в материалах расследования содержится целый блок документов, посвященных преследованию тех, кто выступил против антисемитской, «ритуальной» версии дела Бейлиса. Прежде всего речь идет о деле члена Государственной думы, редактора газеты «Киевлянин» В. В. Шульгина и большой группы адвокатов – как участников процесса, так и тех, кто выступил с протестом против него.

Даже несмотря на то что расследование ЧСК не было доведено до конца, а виновные в инспирировании и воплощении в жизнь дела Бейлиса так и не предстали перед судом, сотрудники комиссии испытывали удовлетворение от проделанной работы. Это чувство очень точно передал А. А. Блок: «Нет, я был прав, – отмечал поэт, – когда подписывал воззвание за Бейлиса и писал заметку о том, что рад оправдательному приговору. Сам Белецкий признает, сколько там было натяжек, т. е. грязи»³⁴.

Все вышесказанное позволяет согласиться с выводом, что «власть, относящаяся так к нескольким миллионам своих подданных, видевшая в них, прежде всего, объект для подозрений и инсинуаций, не могла не сделать этих подданных своими врагами. При такой политике самодержавию не на что было рассчитывать в исторической перспективе»³⁵.

Примечания

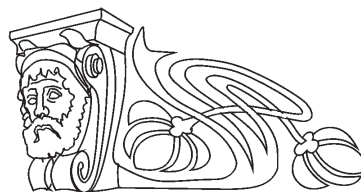
- 1 Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства : замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Т. 118. С. 93.
- 2 Цит. по: Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте : мемуары. М., 1993. С. 60.
- 3 См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 618.
- 4 От составителей // Дело Менделя Бейлиса : Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999. С. 40.
- 5 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 838.
- 6 Там же. Д. 117. Л. 1.
- 7 Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 332.
- 8 См.: Дело Менделя Бейлиса... С. 41.
- 9 Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства : в 7 т. М. ; Л., 1925. Т. 3. С. 350–376.
- 10 Там же. С. 353.
- 11 А. А. Блок имеет в виду министра внутренних дел Н. А. Маклакова – родного брата политического защитника В. А. Маклакова, который был в числе защитников Бейлиса.
- 12 Блок А. А. Указ. соч. С. 330.
- 13 Подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. А. С. Зарудный: юрист и общественный деятель. Саратов, 2002. С. 57–68.
- 14 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 494. Л. 42.
- 15 Падение царского режима. Т. 3. С. 380–382.

- ¹⁶ От составителей // Дело Менделя Бейлиса... С. 42.
¹⁷ Там же. С. 43.
¹⁸ Грузенберг О. О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. С. 128.
¹⁹ Блок А. А. Указ. соч. С. 331.
²⁰ Падение царского режима. Т. 3. С. 358. Председательствующим на суде был Ф. А. Болдырев.
²¹ Блок А. А. Указ. соч. С. 331.
²² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 494. Л. 43.
²³ От составителей // Дело Менделя Бейлиса... С. 44.
²⁴ См.: Падение царского режима. Т. 2. С. 385–398.
²⁵ Там же. Т. 5. С. 286–295.
²⁶ Там же. Т. 3. С. 350–376.
²⁷ Блок А. А. Указ. соч. С. 330.
²⁸ От составителей // Дело Менделя Бейлиса... С. 45.
²⁹ Там же.
³⁰ Там же. С. 47.
³¹ ГАРФ. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 89. Л. 84об.
³² От составителей // Дело Менделя Бейлиса... С. 48.
³³ Там же. С. 49.
³⁴ Блок А. А. Указ. соч. С. 330–331.
³⁵ От составителей // Дело Менделя Бейлиса... С. 49.

УДК 342.72/.73(470+571)

СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ БЕСПЛАТНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. В. Деманова

Саратовский государственный университет
E-mail: claire_d@bk.ru

В статье дается авторское определение понятия и содержания конституционного права на получение бесплатного высшего профессионального образования в современной России, раскрываются правомочия данного права на основе анализа образовательного законодательства и правоприменительной практики.
Ключевые слова: конституционное право на получение бесплатного высшего образования, правомочия, образовательная услуга, субъекты образовательного процесса.

Substance of Constitutional Law for Getting Free Higher Education in Contemporary Russia

S. V. Demanova

The article deals with determination of concept and substance of constitutional law for receiving free higher professional education in modern Russia; reveals warrants of this law on the basis of analysis of educational legislation and law enforcement practice.

Key words: constitutional law for getting free higher education, warrants, educational service, subjects of educational process.

Право на образование является основным естественным правом человека и гражданина, из которого следуют производные: право на дошкольное образование; право на основное общее образование; право на среднее профессиональное образование; право на высшее образование¹.

Право на высшее образование относится к позитивным правам, что предполагает активное участие в обеспечении его государством. Другими словами, для реализации данного права от государства требуются значительные материально-финансовые затраты и административно-организационные ресурсы.

Право на высшее образование зафиксировано в Конституции РФ: «Каждый вправе на конкурс-

ной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии» (п. 3 ст. 43), однако следует заметить, что в Законе РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»² и Федеральном законе от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»³ такое образование носит название «высшее профессиональное образование». В целях уточнения терминологии считаем необходимым в нашей статье использовать термин «высшее профессиональное образование».

Правовое регулирование права на высшее профессиональное образование следует рассматривать на двух уровнях: международном и внутригосударственном⁴. Среди международных документов, а также принципов и норм международного права, которые являются частью российской правовой системы, необходимо отметить Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. (ч. 1 ст. 26)⁵; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (п. с ч. 2 ст. 13)⁶; Конвенцию о правах ребенка (п. 1 ст. 28)⁷ и др. Внутригосударственный уровень предполагает правовое регулирование на уровне Российской Федерации и ее субъектов, так как общие вопросы образования, социальной защиты, включая социальное обеспечение, относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. 1 е, ж ст. 72 Конституции РФ).

На федеральном уровне вопросы высшего профессионального образования регулируются Законом РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»⁸, Федеральным законом от 22 августа